

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В.Л. АБУШЕНКО

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ: О ВОЗМОЖНОСТИ СОГЛАСОВАНИЯ ДИСЦИПЛИНАРНЫХ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ

Вопрос об эпистемологическом статусе и тематическом содержании социальной теории в современном социогуманитарном и философском знании не является очевидным и достаточно проясненным. В какой-то мере это связано с неизбежными историческими коннотациями: например, схлопыванием (отождествлением) социальной теории с «критической социальной теорией», разработанной представителями Франкфуртской школы. Однако гораздо важнее для ее судеб оказался целый ряд разночтений, порожденных 1) историей (генезисом) вопроса: пальму первенства в ее создании оспаривают, как минимум, социальная философия и теоретическая социология; 2) существованием двух теоретико-методологических ориентаций, различающихся в трактовке направленности социальной теории, которые можно условно обозначить как критическую (цель – критика существующих социальных порядков) и позитивную (цель – совершенствование существующих социальных порядков)¹; 3) дисциплинарной демаркацией предметных областей исследования социальной философии, теоретической социологии, антропологии (в ее различных дисциплинарных версиях), культурологии (и это далеко не полный ряд); а также спором о междисциплинарном или метатеоретическом статусе социальной теории. И по каждому из этих пунктов необходимо занять позицию,

---

¹ «Случай» К.Р. Поппера требует отдельного рассмотрения. Его позиция кратко и достаточно четко изложена в двух его работах, связанных с оппонированием одному из основных представителей критической социальной теории Т. Адорно: *Поннер К.Р.* Логика социальных наук // Вопросы философии. 1992. №10. С. 65-75; *Поннер К.Р.* Разум или революция? // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. Карл Поппер и его критики / Сост. Д.Г. Лахутин, В.Н. Садовский, В.К. Финн. М., 2000. С. 314-329.

представляющую собой, хоть и аргументированный, но выбор (который может быть и иным).

***

Выбор первый.

Становление «социальной теории», связано с «открытием» социального, почти синхронно произошедшем где-то в 30-е гг. XX в. в политической экономике и политической истории. В рамках этих дисциплин социальное было отрефлексовано как своего рода «препятствие» для последовательной реализации принципов либерализма и как специфическое основание для доктрин консервативного типа². Следовательно, до этого временного рубежа не вполне корректно говорить о наличии какой-либо социальной теории в полном смысле слова, коль скоро не произошло конституирование самого предмета ее интереса — социального.

Однако, с одной стороны, из сказанного вовсе не следует, что социальная теория возникает ниоткуда. К моменту ее первоначальной артикуляции европейская мысль уже выработала почти все ее основные «конструкты», т.е. уже был сформулирован целый ряд идей, без предварительной разработки и усвоения которых никакая социальная теория невозможна по определению. Назовем только важнейшие из них. Во-первых, должно было быть сформировано представление о том, что существует социальный (не космический, не божественный) порядок, творимый, поддерживаемый и, главное, изменяемый самими людьми (политическими, правовыми и т.д. субъектами). Во-вторых, не менее важно наличие вполне развитого представления об автономной личности, способной принимать и реализовывать решения, а, главное, нести за них ответственность. В-третьих, необходимо наличие и укорененность идеала, репрезентирующего комплекс представлений о том, что есть справедливый социальный порядок, и способного организовывать усилия личностей и иных субъектов социального действия. Наконец, должен был быть отработан комплекс средств (инструментов), с помощью которых возможно осуществление социальных изменений. В данном случае речь идет, прежде всего, об обосновании возможностей научного познания и его технологических воплощений.

С другой стороны, из сказанного вовсе не следует, что социальная теория явилась простой «сборкой» уже наработанных в разных областях

---

² С возникновением социологии в фокус анализа попала проблема ее связи с социалистическими доктринами и принципами организации «нового общества».

знания идей и представлений. Можно выдвинуть гипотетическое предположение, что ее артикулирование произошло через «изобретение» новой научной дисциплинарности, а именно — социологии, с которой она на некоторое время оказалась «склеенной». Социология была предложена как проект (и своего рода матрица социальной науки как таковой), одновременно и вписанный в ряд легитимированных научных дисциплин, и противопоставленный иным типам дискурсов, заявлявших свои претензии на «приватизацию» проблематики социального. В основу этих амбициозных интенций была положена новая («позитивистская», «инженерная» в своем основании) методология научного познания с ее универсалистскими притязаниями, вылившимися довольно быстро в экспансию на «сопредельные территории» (экономику, политологию, криминалистику и т.д.).

Тем самым исходно сложилась достаточно противоречивая в эпистемологическом плане ситуация, связанная со взаимоотношениями разнодисциплинарных областей знания — философии и социальной науки (исходно — социологии). С одной стороны, все основные конструкты социальной теории были разработаны в рамках философского знания. С другой — социология исходно заявила о своей оппозиции «метафизическому» философскому знанию и претензии на построение подлинно научного (а не спекулятивного) знания о современном (капиталистическом, индустриальном, модерновом) обществе. Этот спор обозначил «родовую травму» социологии как социальной науки в целом, лишь усугубившуюся с появлением новых — антропологии, культурологии — претендентов на возможность построения такой общей теории. Этот спор, не прекращающийся до настоящего времени, есть вопрос о дисциплинарных возможностях или, в более «мягком» варианте, спор о разделении проблемно-тематических полей в деле построения социальной теории между философией и социальной наукой. Спор бесконечный и непродуктивный. Решение необходимо искать в эпистемологическом статусе той и другой. А для этого нужно выяснить, что, собственно, можно считать (социальной) теорией.

По мнению российского авторитета в области логики и методологии науки академика В.С. Степина, «гипотетические модели обретают статус теоретических представлений о некоторой области взаимодействий только тогда, когда пройдут через процедуры эмпирического обоснования. Это особый этап построения теоретической схемы, на котором доказывается, что ее первоначальный гипотетический вариант может предстать как идеализированное изображение операциональной структуры (выделено нами. — В.А.), выражающей существенные черты имен-

но тех экспериментально-измерительных ситуаций, в рамках которых выявляются особенности изучаемых в теории взаимодействий»³. Тем самым претензии философии (прежде всего в лице так называемой социальной философии) на интегративный статус в деле построения социальной теории ставятся под сомнение, так как философия как особый тип дисциплинарности не предполагает процедур «верификации»⁴ и ее «позитивные» предметные построения есть «контрабанда» из дисциплинарностей научного типа.

Значит ли это, что без философского осмысления проблематики можно обойтись? Вовсе нет. Прочитав еще раз того же автора: «Философия способна генерировать категориальные матрицы, необходимые для научного исследования, до того как последнее начинает осваивать соответствующие типы объектов. Развивая свои категории, философия тем самым готовит для естествознания и социальных наук своеобразную предварительную программу их будущего понятийного аппарата. Применение развитых в философии категорий в конкретно-научном поиске приводит к новому обогащению категорий и развитию их содержания. Но для фиксации этого нового содержания опять-таки нужна философская рефлексия над наукой, выступающая как особый аспект философского постижения действительности, в ходе которого развивается категориальный аппарат философии»⁵. Но на этом ее возможности по предметно-тематическому построению дисциплинарности научного типа исчерпываются⁶.

***

Выбор второй.

Итак, ключевым для разграничения научного и философского способов работы с определенным проблемно-тематическим содержанием является понятие «теория («научная теория»»). Ключевая роль в его становлении принадлежит обоснованию и выводу на уровень операциональных интерпретаций, частных или — в нашем случае — фундаментальных теоретических схем.

В этом аспекте развитие социального знания предлагало все новые дисциплинарные схемы. Тем самым претензии социологии на монополь-

---

³ *Степин В.С.* Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М., 2000. С. 340.

⁴ См. по этому поводу: *Петров М.К.* Язык, знак, культура. М., 1991 (авторское название неосуществленного издания работы: «Социологический анализ проблем культуры»).

⁵ *Степин В.С.* Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М., 2000. С. 264.

⁶ С принципиально иных методологических оснований о «замыкании» философии на выработку знаниевых концептов, в отличие от науки, ведающей лишь «перспективами» и «функциями», говорится в номатологии Ж. Делеза и Ф. Гваттари.

ное дисциплинарное «владение» социальной теорией ставятся под сомнение: она (теория) «отказывалась вмещаться» в одну научную дисциплину. Положение усугубилось и расколом внутри самой социологии. Одновременно (и чем дальше — тем больше) ситуацию корректировал марксистский проект с его не менее амбициозной претензией на новую методологию практического познания-изменения мира, также активно «заявлявшийся» экспансией в различные предметные области знания. Одновременно он вел дело к расколу самого представления о сути того, что можно было бы охватить понятием «социальная теория». Если контовский проект социальной науки заявлял себя как «позитивное» знание об обществе, то проект К. Маркса исходно «критичен». О. Конт и целый ряд его последователей-социологов стремились предложить научно обоснованную и технологически реализуемую «инженерными» средствами модель нового индустриального общества, отталкиваясь «от наличного», преодолевая «родовые пятна» общества традиционного типа. Марксистский же проект, отталкиваясь «от идеала», занял позицию тотальной критики всех (если не считать неоправданной идеализации Ф. Энгельсом структур первобытного общества) предшествующих социальных порядков и прежде всего развивающегося капиталистического, по отношению к которому классическая социология в целом (а не только контовская) определяла себя как «инструмент» его достраивания и усовершенствования. Все это опять же давало новую почву для интегративных претензий социальной философии.

Если попытаться уйти от стандартных схем советских учебников, то в «классический» период развития социального знания (до 20-х гг. XX в.) марксистский проект социальной теории как критической по определению оставался достаточно маргинальным и не определялся как социологический (хотя и являлся, по сути, таковым). Более того, он воспринимался среди большей части научного сообщества как грандиозная утопия, весьма смутно обрисовывающая контуры возможного будущего. Собственно же социологическая версия социальной теории строилась на основе критериев позитивного научного знания, постепенно превращаясь из проекта в программу, включающую в себя определенный набор дисциплинарных парадигм (но тем самым мультиплицируясь даже внутри самой социологии). Западное общество должно было пройти через серию глобальных катастроф XX в., начиная с Первой мировой войны и последовавших революционных потрясений, чтобы обнаружилась неизбежная утопическая составляющая и в любой из известных «позитивных» версий социальной теории.

В этой перспективе не могла не произойти и переоценка понимания самой ее содержательной сути. Стараниями неомарксизма, особен-

но теоретиков Франкфуртской школы, предложивших и сам термин «критическая социальная теория», она начинает ориентироваться не на разработку универсального образца социального порядка, а на критику принципов устройства современных западных социальных систем. Особенно данная тенденция усилилась после неудач Т. Парсонса по построению «большой социологической теории» в рамках структурно-функционального анализа, с одной стороны, и предпринятыми представителями Чикагской школы, феноменологической социологии, символического интеракционизма попытками сфокусировать усилия социологов на микроуровнях анализа общества и тем самым уйти от обсуждения проблематики социальной теории как таковой. Фоном этих интеллектуальных исканий являлась тотальная критика цивилизации, культуры и европейского рационального разума, символический (знаковый) «старт» которой маркируют выходом в свет знаменитой книги О. Шпенглера «Закат Европы».

Все эти тенденции, связанные с неклассической стадией в развитии социального знания⁷, имели непосредственное отношение к переопределению дисциплинарного статуса социальной теории.

Прежде всего следует отметить, что она перестала соотноситься преимущественно с социологической теорией, что непосредственно связано и с пересмотром претензий и возможностей самой социологии. При продолжающейся и даже возросшей экспансии социологического знания и социологических методов исследования во все новые предметные области шел неуклонный пересмотр их универсалистских притязаний.

Принципиально важным было постулирование (в настоящее время вновь оспариваемое) полипарадигмальной природы социологии как научной дисциплины, а, следовательно, и невозможности построения на ее основе удовлетворяющей все научное социологическое сообщество социальной теории современного общества. Более того, вместо попыток ответить на вопрос «Что такое общество?», как минимум со времен Г. Зим-

---

⁷ В данном случае принимается схема различения трех этапов в развитии дисциплинарного знания, последовательно сменяющих друг друга: классический, неклассический, постнеклассический. При этом применительно к социологическому (социальному) знанию рубежи различения относятся примерно к 20-м и концу 60-х гг. XX в. В рамках неклассического этапа развития социологии возможно говорить о неоклассическом этапе, связываемом прежде всего с доминированием структурно-функционального анализа. При этом следует оговориться, что данное различение не является общепризнанным. В принятом в статье контексте указанное различение проводится, в следующих статьях: *Абушенко В.Л. Социология // Новейший философский словарь. Постмодернизм. Мн., 2007. С. 229-234; Румянцева Т.Г. Классика – неклассика – постнеклассика // Новейший философский словарь. Постмодернизм. Мн., 2007.*

меня познавательные усилия начинают все больше концентрироваться вокруг поиска ответов на вопрос «Как возможно общество?», а само понятие «общество» все больше заменяется более операциональным и содержательно наполненным понятием «социум». С «легкой руки» Р.К. Мертон на базе предложенного им концепта «теория среднего уровня (ранга)» начинается бум конструирования и легитимации специальных социологических теорий, призванных снять накопившиеся противоречия между макро- и микроуровнями исследования, — в значительной мере именно за счет ухода от притязаний на построение теории общества в целом.

Постепенно складывается, а с переходом социологии в постнеклассическую фазу ее развития, утверждается в правах представление о том, что социология явилась дисциплинарным проектом общества модерна и этот проект реализован, а следовательно исчерпан, хотя и не завершен. Более того, констатируется, что он принципиально не мог быть завершен. Социология не смогла в рамках своих дисциплинарных границ предложить удовлетворительной теории современного общества⁸. Она не сумела реализовать и свою утопическую претензию на роль инструмента реформирования нового общества: даже в неоклассическом дискурсе структурно-функционального анализа ее роль определялась гораздо скромнее — как поставщика технологий «поддержания» сложившегося социального порядка. В неклассический период развития социального знания задача социологии все больше начинает видеться (и далеко не только благодаря неомарксистской постановке вопроса) как критический анализ существующих структур и организации социального. А это, следует признать, принципиально иная установка относительно возможностей и предназначения социологического знания. Параллельно в научном сообществе разворачивается не прекратившаяся до сих пор и даже приобретающая в настоящее время «второе дыхание» дискуссия о соотношении социальных и собственно социологических методов, методик, техник и процедур научных исследований.

***

Выбор третий.

В силу уже рассмотренной выше утраты монополии социологии на социальное знание, с одной стороны, и активного развития иных дис-

---

⁸ В этом отношении показательно, в частности, уже само возникновение дихотомии индустриальное — постиндустриальное общество, а затем и тенденции к замене ее дихотомией общество модерна — постмодерна в дискурсах постнеклассического знания.

циплинарных версий социального и гуманитарного знания — с другой, социальная теория во второй половине XX в. все больше начинает пониматься как область междисциплинарного взаимодействия. Социальное становится легитимированным, а во многих отношениях и ключевым предметным полем в экономических, политических, культурологических, антропологических, исторических дисциплинарных теориях, что активно размывает ранее достаточно жестко зафиксированные демаркационные границы в социогуманитарном знании. Более того, предметом методологической рефлексии становится сама проблема демаркации, т.е. обоснованности критериев различения (разграничения) как различных научных дисциплинарностей, так и научного и иных типов знания вообще. Последнее было связано, с одной стороны, с возникновением новых подходов и методологий внутри самого научного знания (понимающая, феноменологическая, гуманистическая, антропологическая, конструктивистская и иные перспективы научного анализа), с другой — с возрождением претензий социальной философии на роль той дисциплинарности, в рамках которой только и могут быть сняты предметные ограничения на междисциплинарный синтез и осуществлено продуцирование социальной теории универсалистского типа.

Ключевыми в этом новом развороте представляются несколько позиций: 1) специфика антропологической и культурологической трактовок социальности, явно или латентно вводящих базовое представление о видении реальности сквозь призму определенной, задаваемой конкретной культурой, ценностно-символической картины мира и отсутствии универсальной методологической исследовательской позиции (связанной с представлением о трансцендентальном субъекте познания)⁹; 2) переопределение теоретической социологии в терминах культур-социологии (социологии культуры, восходящей к работам М. Вебера и Г. Зиммеля) не как специальной социологической теории, а как «иной» социологии, вводящей представление о зависимости понимания конкретных социальных систем от культурного (шире — цивилизационного) контекста и социокультурном конструировании реальности¹⁰; 3) вновь актуализировавшийся спор о методологии социального познания: мере адекватности исследовательских установок, ориентированных на нейтрально-объ-

---

⁹ См., например, определение В.М. Розина: «Существование, с точки зрения методолога-культуролога, это мир как он видится и творится в рамках данной аксиологической картины и жизненной позиции» (*Розин В.М.* Миф как понятие и реальность // Мир психологии. 2003. № 3 (35). С. 17).

¹⁰ См., например, репрезентацию этой позиции в работе: *Ионин Л.Г.* Социология культуры. М., 1996.

ективистское постижение реальности и мере его «субъективности»; 4) пересмотр (начиная с исторической школы философии науки и критического рационализма) базовых представлений логики и методологии науки о природе научной теории, критериях верификации-фальсификации научного знания, о том, как следует трактовать проблему междисциплинарной демаркации и насколько строго могут быть разграничены предметные области и тематизмы конкретных дисциплин и т.д.; 5) введение представления о том, что кроме дисциплиной матрицы конкретная научная дисциплина оформляется и как специфический тип дискурса, как дискурсивная практика, что предполагает создание соответствующих коммуникаций, а также введение категории «подходности» (парадигмально-дисциплинарной и/или вне и наддисциплинарной в рамках, например, системного, семиотического и т.д. подхода); 6) конституирование в рамках философии такого исследовательского направления, как социальная эпистемология, а в рамках социологического знания — социологии знания (включая «социологию социологии» и «социологию философий»).

Учет этих позиций позволяет сделать предположение о принципиальной неразрешимости спора о статусе и сути социальной теории на дисциплинарном уровне организации знания и в рамках неклассических представлений о сути научного (в том числе социального) знания. Так, несмотря на длительную дискуссию, вопрос о том, насколько обоснованы, например, претензии социальной философии (в «классическом» ее понимании) на интегративную роль в построении социальной теории, и вопрос о возможности междисциплинарного синтеза, остались открытыми в связи с необходимостью новой рефлексии и очередной переформулировки самих оснований знания, вступившего в постнеклассическую фазу своего развития и ищущего ответы на вызовы, порожденные процессами становления общества постмодерна и глобализации современного мира.

Если попытаться сформулировать основной вопрос, выражающий суть новой постановки проблемы (она же — ключевой вопрос для определения статуса социальной теории), то можно предложить следующую версию: «Как возможно само достоверное знание (в нашем случае — об обществе) и какова его природа?». Прямой корректный ответ на него невозможен, так как он оказывается зависимым от выбора «места», с которого продуцируется этот самый «ответ». А это, в свою очередь, во многом проблема выбора паттернов, для которых «конструктивная критика» возможна лишь внутри их собственной логики; вне логики паттерна мы будем иметь дело с иным типом «критики», а именно — рефлексией основа-

ний выбора самих паттернов и обоснованием адекватности проекций концептуальных схем паттернов на описываемые и анализируемые ситуации.

В таком контексте рассмотрения логика теоретической социологии или социальной философии (как и антропологии, культурологии и т.д.) есть лишь дисциплинарная логика, оцениваемая по «внутренним критериям» паттерна, а содержательный междисциплинарный синтез и вовсе зависит «в пустоте» — для его осуществления нет «места» и не прописаны процедуры. Вследствие этого прежние постановки вопроса о статусе социальной теории не позволяли сформулировать сколько-нибудь удовлетворительный ответ на него. Такого рода версию социальной теории нельзя спродуцировать ни в рамках монодисциплины (социологии, социальной философии и т.д.), так как «удовлетворять» она будет лишь внутренним критериям самой этой дисциплины, ни на путях междисциплинарного синтеза — никто еще так и не смог дать ответ на вопросы о том, что это такое и каковы критерии его осуществимости (если только речь не идет о формировании новой дисциплины, типа физической химии, на междисциплинарной знаниевой границе). В данном случае речь идет, скорее, о привычной риторической фигуре речи с совершенно не проясненными основаниями и содержанием.

В какой-то мере в споре о возможности построения содержательно наполненной социальной теории мы возвращаемся к старой альтернативе интернализма и экстернализма. При этом необходимо, естественно, снятие их крайних трактовок. В интерналистской логике ближе всех к такому снятию крайностей подошли А. Койре и «историческая школа философии науки» (Т.С. Кун, И. Лакатос, П. Фейерабенд и другие) с их акцентами, соответственно, на культурном фоне имманентной логики развития знания и роли в ее развертывании социальной организации познавательной (научной) деятельности. В экстерналистской — ранняя социология знания (М. Шелер, К. Манхейм и другие). При этом ретроспективно усматривается тенденция сближения этих позиций. Например, она весьма четко артикулирована в развитии «критического рационализма»: от исходных интенционалистских формулировок раннего К.Р. Поппера через Х. Альберта к акцентированию экстерналистских компонентов в развитии знаниевых комплексов у К. Хюбнера. Или, например, в движении от неорационализма Г. Башляра через ряд опосредований к концепции власти-знания М. Фуко. Обратную тенденцию нарастания значения в концептуальных построениях интерналистских компонентов демонстрирует современная социология знания (в лице того же Д. Блура).

Однако «спор» и перипетии взаимоотношений интернализма и экстернализма задают, скорее, контекст, провоцирующий «подрыв» старых

оснований постановки вопросов о «возможности знания», среди которых вопрос о возможности построения социальной теории и о ее статусе — лишь частный случай, и только обозначают вектор возможного движения в поисках новых оснований переформулировки старых проблем, для которых не было найдено удовлетворительных решений. Представляется, что речь должна идти о поиске некоторой «вне» и/или «над» (и в этом смысле «мета») дисциплинарной позиции («места»), где осуществляется коммуникация и критическая рефлексия выступающими от лица «власти-знания» субъектов выборов с экспликацией и артикуляцией их оснований. По сути, это поиск «места», дающего возможность выставления рамок и формулирования заданий на программирование деятельности.

Интересен и показателен в заявляемой перспективе опыт системно-мыследеятельностной методологии (СМД-методологии) Г.П. Щедровицкого и его последователей. В ранних версиях концепции ими была предпринята попытка найти такое «место», свободное от дисциплинарной «захваченности». Таковым объявлялось поле методологии как особого типа познавательной деятельности, отличной от внутренних философской и научно-предметной логик и способной работать со схемами многих знаний одновременно. Центральной в новом типе организации познавательных дискурсов оказывалась фигура методолога, способного организовать работу по распределению («деконструкции») уже имеющегося разнородного по своему происхождению знания и критической рефлексии его оснований, согласующей исходные позиции познающих субъектов, а затем задать новый вектор сборки «материала». Нельзя обойти вниманием в этой исследовательской перспективе и опыт наработок по деконструкции и последующему конструированию нового знания, накопленный в рамках постструктуралистских и конструктивистских дискурсов.

При этом обращают на себя внимание предпринятые в последнее десятилетие попытки провести определенное согласование этих исходно различных по своим исходным основаниям линий анализа. Насколько эти попытки окажутся успешными, пока сказать трудно: мы находимся еще в начальной точке движения. Однако суть интенции понятна. Так, если методологический дискурс больше делал акценты на интерналистских по своей сути установках организации познавательной деятельности, то постструктуралистско-конструктивистские дискурсы в гораздо большей степени склонны исследовать историко-культурные аспекты проблемы производства знания. Важно, однако, то, что и в том, и в другом случаях речь идет о работе «знания со знанием» (и схеме работы одновременно со «многими знаниями») в рамках определенного, хотя и не жестко ограниченного культурного пространства.

Еще одной реальной перспективой работы «знания со знанием» является широко понимаемая «социология знания». Хотя в самом названии направления присутствует дисциплинарная «этикетка» — «социология», оно не является на данный момент некоей содержательной и методологической целостностью. Во-первых, круг обсуждаемых здесь проблем далеко вышел за исходную установку исследования социокультурной (более жестко — социальной) обусловленности производства знания, а во-вторых, здесь объединяются и конкурируют между собой самые различные методологические ориентации (от аналитической до феноменологической). Более того, все попытки установить дисциплинарный статус социологии знания успехом не увенчались: в частности, так и не было найдено удовлетворительного решения по демаркации философской и собственно социологической компонент в этой области. Все это позволяет говорить о том, что в данном случае мы имеем дело с областью «мета» («вне» и/или «над» дисциплинарного) знания. При этом здесь нет никаких принципиальных запретов на то, чтобы сделать предметом анализа специфику производства обозначенных выше методологического или постструктуралистско-конструктивистских дискурсов, как и самой философской или социологической дисциплинарности (для анализа которых конституированы так называемые «социология социологий» и «социология философий»), что выгодно отличает «социологию знания» от обозначенных выше двух других перспектив.

Точно так же социология знания может полагать предметом своего рассмотрения условия, возможности и необходимость продуцирования социальной теории в рамках того или иного типа социума и культуры. Ведь если не очень строго попытаться очертить ее «наполнение», то в пределе это и есть совокупность познавательных практик по выявлению и критической рефлексии «знаниевого потенциала» той или иной культуры, находящегося в распоряжении конкретного социума. В этом ключе вопрос о том, что есть социальная теория, переформулируется в вопрос о самой возможности создания удовлетворительной социальной теории в современном глобализирующемся обществе. Соответственно, с ответом на этот вопрос переформулируется и вопрос о статусе социальной теории¹¹.

---

¹¹ Вполне возможно, что одновременно социология знания может при определенном смещении фокуса внимания быть осмыслена в рамках социальной эпистемологии. Однако и в этом случае сохраняется коннотационно нагруженная дисциплинарная отсылка — этот раз не к социологии, а к философии.

***

Из вышесказанного можно сформулировать и предложить для обсуждения два тезиса, непосредственно касающихся эпистемологического статуса современной социальной теории.

***

Тезис первый.

Вместо критической социальной теории, подвергающей анализу «проки» определенного типа общества с позиций определенного идеала, необходима критическая рефлексия оснований социального знания, вписанного в практики «власти-знания» того или иного общества. В результате, свою очередь, становится насущно необходимым выявление глубинной связи между производством знания и власти: характерные для современного типа обществ механизмы управления позволяют или адаптировать внутри существующих социальных порядков «критическую социальную теорию», или предельно маргинализировать ее, превратив в практику социальных аутсайдеров. В итоге вместо дисциплинарной или междисциплинарной позитивной социальной теории в их традиционном понимании (привилегированно центрированного «большого нарратива») в качестве современной социальной теории может быть создана лишь рамочная конструкция (содержательно крайне бедная), ориентированная, скорее, на установление коммуникативного дискурсивного консенсуса в определенном исследовательском сообществе, чем «отображающая» или «конструирующая» социум.

Понятие рамочной конструкции восходит к И. Канту, позже оно стало одним из основных средств организации содержательно наполненного сознания (мышления) в феноменологии и феноменологически ориентированной социологии (Э. Гуссерль, Т. Лукман, И. Гофман) и СМД-методологии. При всех методологических различиях речь идет о наложении ограничений на организацию втягиваемого в рефлексивный анализ материала, установлении регулятивных правил организации дискурса и о способах определения позиций исследователем, анализирующим отобранный материал по принятым регулятивным правилам. При этом сами по себе рамочные конструкции остаются «содержательно пустыми».

Исходной для рамочного анализа является идея Канта о различении двух типов категорий (латентно обозначившие, по сути, способ организации мышления и деятельности, в которой одни категории организуют мышление, а другие вводят представление о доступной анализу предметно-тематической области и онтологии анализируемых объектов): 1) регулятивных (регулирующих способы мышления, порождающих схемы

многих знаний – несколько проекций сложного объекта); 2) конститутивных («поставляющих» материал для конструкции объектов, презентующих устройство противостоящего нам мира). Первые из них как раз и фиксируют сам набор проекций, в которых может быть схвачено проблемно-тематическое поле (предмет) и произведено конституирование объектов анализа. При этом необходимо занять и четко отрефлексировать исследовательскую позицию («место» производства тематического содержания). Однако описание процедур позиционирования принадлежит уже феноменологической, а в еще большей мере СМД-методологической познавательным установкам и означает, по сути, введение «категорий» третьего рода, связанных с преодолением представлений об абсолютном трансцендентальном субъекте познания.

Собственно предметный проблемно-тематический знаниевый блок (выводящий в конкретную дисциплинарность, но оставляющий принципиальную возможность их совмещения в рамках общего дискурса с сохранением позиционных различий) оказывается «зажат» внутри двух иных конструкций: выставляющих, удерживающих и меняющих сами рамки, с одной стороны, и направленных на критическую рефлексию самой исходной исследовательской позиции – с другой. Но во всех трех случаях речь идет о «правилах организации» мышления, направленного на анализ каких-либо конкретных предметностей, что принципиально позволяет уйти от обсуждения междисциплинарных и внутридисциплинарных расхождений. «...Все существует только в определенных рамках, и ничего – вне пространства, в котором оно должно или может существовать»¹². Только выставление и удержание рамок, устанавливаемых сознанием или профессиональным мышлением, позволяет соотносить критерии истинности, полезности, целесообразности и т.д., точно так же как смена рамок предполагает и «ревизию» этих критериев. Эти «формальные» процедуры позволяют как удерживать определенное единство в разнодисциплинарных анализах какого-либо предметно-тематического поля, с одной стороны, так и вводить проблемно-позиционные различия – с другой.

В итоге, при всем отсутствии строгости и устойчивости терминологии (различающейся к тому же в зависимости от теоретико-методологических исследовательских позиций) следует различать три типа рамочных конструкций. Предельная (ограничительная) рамка ответственна за само введение и смену рамочных конструкций и задает горизонты подлежащего анализу содержанию (в нашем случае – в социальном знании, «стягиваемом»

---

¹² Хромченко М.С., Щедровицкий П.Г. Состоится ли встреча с самим собой // Вопросы методологии. 1999. № 1-2. С. 8-34.

в социальной теории). Тематическая (предметная) рамка вводит тематизированный материал, который проблематизируется в соответствии с различными дисциплинарно-исследовательскими позициями. Рабочая рамка — определяет позиционирование в проблемно-тематическом поле (режим работы со знанием — трансляция, исследование и т.д., дисциплинарная демаркация, теоретико-методологические основания), т.е. ответственна за удержание рамок. В феноменологической социологической традиции предельная рамка замещается представлением о горизонте повседневного опыта и в этом смысле не выставляется, а рабочая рамка разводится на две: мотивационную (целевую) и интерпретационную (подходную). Тем самым содержательная работа становится возможной после определения тематического поля, которое, в свою очередь, зависит от выставления предельной рамки и занятия позиции в рабочей рамке.

Таким образом, в фокус обсуждения при рамочном анализе попадают вопросы, связанные с самой возможностью знания о «социальном», его характере, обоснованности исследовательских стратегий работы с ним и т.д. И от решения этих вопросов зависит понимание того, что есть современная социальная теория (как и вопросы о том, что есть современное социально-философское, социологическое, антропологическое, культурологическое, историческое и т.д. знание и каков их вклад в формирование современной социальной теории).

В предлагаемой ниже схеме концепты «знание», «социум», «культура», «личность» задают пределы-границы социального знания, по отношению к которым (занимая конкретное место в выделенном пространстве) позиционируют себя различные дисциплинарности¹³.

---

¹³ Каждая из дисциплин позиционируя себя по отношению к предельной рамке, формируя свою перспективу видения. В дисциплинарный дискурс каждая из них, так или иначе, втягивает все три концепта (социум, культура, личность), однако в фокус внимания в классическом знании попадает, как правило, один из этих концептов. В неклассическом знании была предпринята попытка построения дисциплинарностей на связке концептов (социальная и культурная антропология, которые открыто оппонировали социологии и культурологическим дисциплинам — применительно к западной традиции говорить о культурологи как самостоятельной дисциплине не совсем, на наш взгляд, корректно). Специфическую позицию на связке социума и культуры заняла культур-социология (социология культуры). При этом философия реально сохраняла за собой привилегированное положение, будучи способной работать с любым из четырех концептов (социальная философия, философия культуры, философская антропология, социальная эпистемология). Дополнительно необходимо сделать две оговорки. Во-первых, остается открытым вопрос с историческим знанием, которое, в зависимости от его конкретного понимания, может позиционировать себя как «пронизывающее» (по иному основанию) все позиции. Во-вторых, следует учитывать то обстоятельство, что все отчетливее претензии на доминирование заявляют экономическое и политологическое знание.

Таким образом, оказывается, что для социальной теории, понимаемой в традиционном смысле, «нет места» позиционированию себя, с одной стороны, а с другой – современная социальная теория не может быть построена вне тех проблем и тем, которые достаточно плодотворно уже разрабатываются конкретными социогуманитарными дисциплинами. Тем самым получается, что если социальная теория, не отождествляемая ни с одной из них, возможна, то она должна строиться не как конструирование новой дисциплинарности, во-первых, и не может быть спроецирована из какой-либо из уже «занятых» дисциплинарных позиций – во-вторых¹⁴.

***

Тезис второй.

В случае современной социальной теории мы имеем дело не с какой-то особой дисциплинарностью или попыткой комплексирования разных дисциплинарностей, а с формированием особого рода дискурса, в котором разнородные по своему дисциплинарному происхождению предметности и тематизмы накладываются друг на друга в поле общей коммуникации. Однако, как указывает М. Фуко: «Дискурс это нечто большее, нежели просто место, где должны располагаться и накладываться друг на друга – как слова на листе бумаги – объекты, которые могли бы быть установлены только впоследствии»¹⁵. При этом сохраняется и принципиально предполагается возможность фиксации нескольких планов различий, в которых могут возникать объекты дискурса, что ставит вопрос о связи между ними и о позиции, с которой производятся данные различения.

Причем дискурс характеризуется не существованием в нем неких привилегированных объектов, а тем, как он формирует свои объекты, т.е. установленными отношениями между инстанциями появления, разграничения и спецификаций (в которых любой объект исследуемого дискурса обретает свое место). В этом случае объекты связываются не с дисципли-

---

¹⁴ Характерно в этом отношении определение, данное одним из адептов современной критической социальной теории с позиции трансдисциплинарности: «Критическая социальная теория в качестве исследовательской программы – это мыслительное пространство возможного, частичной реализацией которой и являются многообразные авторские концепции. Поэтому, чтобы определить искомые контуры, следует, опираясь на тексты, восходить от явно высказанного к подразумеваемому: к тем неявным предпосылкам, которые организуют набортку пропозиционального содержания рассматриваемых концепций» (Фурс В.Н. Контуры современной критической теории. Мн., 2002. С. 4-5).

¹⁵ Фуко М. Археология знания. К., 1996. С. 43.

нарно устанавливаемой «сутью вещей», а с совокупностью продуцирующих их правил. Возникающие при этом дискурсивные объекты принципиально не могут быть поняты вне соответствующих дискурсивных практик и не могут быть редуцированы к их словарю (они — «не слова»). В то же время способ сцепления высказываний между собой должен стать предметом специального рассмотрения в аспекте выяснения того, «почему появляются именно эти высказывания, а не какие-либо другие?»¹⁶.

В этой связи возникает ряд вопросов, требующих ответов: 1) кто говорит, хранит данный вид языка и в силу каких своих характеристик; 2) в границах какой институционализированной области разворачивается тот или иной дискурс; 3) какова позиция субъекта относительно различных областей и групп объектов¹⁷. Обновление дисциплинарных точек зрения в рассматриваемом ракурсе выступает как обновление модальностей, установление новых отношений между различными элементами в дискурсе. Таким образом: «Дискурс — это внешнее пространство, в котором размещается сеть различных мест»¹⁸. В данном случае «внешнее пространство» можно понимать именно как вне — и наддисциплинарное пространство, в котором происходит не трансляция дисциплинарных (в том числе исследовательских) норм, а столкновение разнодисциплинарных норм вынуждает обращаться к обсуждению вопросов о самих основаниях их производства и организации тех или иных исследовательских процедур и возможности их соотнесения между собой. Тем самым формируется пространство воспроизводства знания, в котором субъект может занять позицию и говорить об объектах, с которыми он имеет дело в своих исследовательских практиках, пространство координаций и субординаций различных по своему генезису высказываний.

***

Исходя из вышесказанного, представляется, что удовлетворительная (предметно-содержательно наполненная) социальная теория — это еще одна из эпистемологических иллюзий философии и социальной науки общества эпохи модерна, с которой, пусть и с сожалением, придется расстаться.

---

¹⁶ Определение понятия «дискурсивная практика» можно позаимствовать у того же М. Фуко: «Это совокупность анонимных исторических правил, всегда определенных во времени и пространстве, которые установили в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического или лингвистического пространства условия выполнения функций высказывания» (Фуко М. Археология знания. К., 1996. С. 118).

¹⁷ Фуко М. Археология знания. К., 1996. С. 51-53.

¹⁸ Там же. С. 56.